

Той ночью они не стали ничего делать — просто лежали в объятиях друг друга, пока сон не сморил их.

Ли Жун до сих пор не знал во всех подробностях, что именно произошло после его смерти. Ему было известно лишь то, что Цэнь Сяо отомстил за него, собственноручно убив Ду Минли. Все важные для нынешнего расследования детали Цэнь Сяо уже косвенно сообщил ему, а всё остальное скрывалось за пеленой невыразимой, глубокой боли.

Зная, как сильно Цэнь Сяо его любит, Ли Жун боялся даже представить, как тот пережил те страшные дни. Собеседник был по-настоящему сильным человеком: даже встретив его снова и понимая, что поначалу Ли Жун лишь намеревался использовать его, мужчина сумел сохранить хладнокровие и терпение.

Обоим их путь дался слишком нелегко.

«Нам обоим пришлось слишком нелегко»

С этой мыслью Ли Жун еще теснее прижался к Цэнь Сяо. В спальне стояла приятная температура, они были укрыты одеялом, но всё равно продолжали крепко обнимать друг друга, стремясь к полному единению, чтобы как можно острее чувствовать присутствие партнера.

Прошло много времени. Дыхание обоих стало ровным, и могло показаться, что они уже глубоко спят, когда Ли Жун вдруг тихо прошептал:

— Ты еще не спишь?

Спустя мгновение Цэнь Сяо отозвался негромким «мгм». Вибрация его голоса передалась Ли Жуну через скулу — интимно, вызывая легкую дрожь.

— Я хочу спросить лишь об одном, можно?

Мужчина промолчал, что означало молчаливое согласие. Ли Жун чуть отстранился и поднял взгляд, пытаясь в крошечной темноте отыскать его глаза. Возможно, именно эта непроглядная тьма и придала им смелости заговорить о сокровенном.

— Как ты... Как ты был тогда, Цэнь Сяо? В то время... тебе было очень плохо?

Перед самой смертью Ли Жун гадал, кто мог его подставить, вспоминал давно ушедших родителей и даже в последние секунды перед погружением в небытие думал о том, увенчался ли успехом проект GT201. Он не вспомнил лишь о Цэнь Сяо — тогда юноша считал себя

абсолютно одиноким и не верил, что его уход может причинить кому-то боль.

Цэнь Сяо долго молчал, затем коснулся губами макушки Ли Жуна и негромко произнес:

— Всё уже в прошлом.

Даже самая сильная скорбь осталась позади. Казалось, с тех пор прошла целая вечность: каждую минуту они с Ли Жуном создавали новые воспоминания, чтобы перекрыть те, прежние, лишённые радости. Человек, который хочет жить дальше, обязан научиться исцелять себя сам.

Юноша на самом деле хотел спросить еще об одном: когда они впервые встретили Ду Минли, его партнер очень странно отреагировал на одну фразу. Ему хотелось знать, что с ней было не так, но, скорее всего, за этим тоже стояли не лучшие воспоминания.

Ли Жун потерся головой о подушку:

— Давай спать, завтра будет много дел.

— Спокойной ночи, — ответил Цэнь Сяо.

На следующее утро

Ли Жун освободил в гостиной место и заказал в ближайшем супермаркете небольшую грифельную доску.

Вскоре примчался Цзянь Фу. С ноутбуком в руках и темными кругами под глазами от недосыпа, он даже не успел позавтракать. Забежав в квартиру, юноша сразу бросился на кухню, схватил стакан и, наполнив его водой, жадно осушил дважды подряд.

Тот даже не заметил, что рядом с аккуратно расставленными стеклянными стаканами стояли две керамические кружки — черная и белая. Они составляли пару, дополняя друг друга рисунком. Ли Жун и Цэнь Сяо всегда пили только из них.

Линь Цинь тоже пришел пораньше. Вчера он выступал под огромным давлением и с тяжелым сердцем. Хоть он и справился достойно, не допустив ошибок, вернувшись домой, так и не смог сомкнуть глаз. Его душила ярость и бессилие: Чжэн Чжупань так безнаказанно злоупотреблял властью, а вся съемочная группа вынуждена была подыгрывать ему, не смея возразить ни единым словом.

Хуже всего было то, что все воспринимали это как должное, стараясь просто не высовываться. Казалось, раз Чжэн Чжупань инвестировал в шоу, значит, он имеет право на любой произвол. Юноша, конечно, не был настолько наивен, чтобы верить, будто может в одиночку изменить систему, но он всем сердцем желал, чтобы делец поплатился за свою заносчивость.

Узнав с утра, что Цзянь Фу удалось кое-что раскопать, Линь Цинь пулей вылетел из постели и поспешил на встречу.

Цзянь Фу то и дело зевал, держась лишь на литрах кофе. Никогда еще он не работал сверхурочно с таким рвением — наглость Чжэн Чжупаня привела его в бешенство.

Ли Жун пододвинул доску и выписал на ней ключевые имена и названия: Хэ Даюн, Биотехнологическая компания «Сухэ», центральная больница «Цзяцзя», Хань Цзян, Лю Таньчжи, Ли Байшоу, Цзян Вэйдэ и директор «Хунсо» Чжу Янь.

— Хэ Даюн, Биотехнологическая компания «Сухэ» и Чжай Нин — это одна группа интересов. Именно они спланировали замену Люйиньсюй низкокачественным Цзякэтином. Пока это лишь предположение, но оно очень близко к истине. Хань Цзян и Лю Таньчжи руководили медийной травлей, подогревая общественное недовольство — их можно считать косвенными виновниками смерти моих родителей. Ли Байшоу, скорее всего, был лишь их ширмой или пешкой, которую позже скинули со счетов, но он тоже метил на результаты исследований моего отца. Цзян Вэйдэ и Чжу Янь... я не знаю, участвовали ли они в заговоре, но их ложь на банкете и попытка скрыть правду выглядят крайне подозрительно.

Говоря это, юноша проводил на доске линии и стрелки, пытаясь связать эти три группы людей, но общая картина упорно не складывалась.

Цэнь Сяо продолжил его мысль:

— Хань Цзян и Лю Таньчжи распространяли слухи и подливали масла в огонь. По логике, их цели должны были совпадать с целями Биотехнологической компании «Сухэ». Но Хань Цзян внезапно начал расследование против «Мэйцзян». Фармацевтическая компания «Мэйцзян» переманила людей из Девятого района, что привело его в ярость. Месть вполне объяснима, но Хэ Даюн — ключевая фигура в связке с «Сухэ». Если бы тот был заодно с корпорацией, он бы побоялся задеть Хэ Даюна.

Ли Жун кивнул:

— К тому же, когда мы припугнули Хэ Даюна, по его реакции было ясно: он не считает Хань Цзяна своим союзником.

Линь Цинь нахмурился:

— Я всё равно не понимаю. У Девятого района и Лю Таньчжи не было никаких причин враждовать с профессором Ли. Зачем им было в это впутываться?

Ли Жун лишь покачал головой. Действительно, никакой вражды быть не могло. Даже учитывая отношения Лю Таньчжи и Ли Байшоу, она вряд ли стала бы помогать мужу устранять конкурента таким грязным способом. У Девятого района не было конфликта интересов с их семьей, а родители Ли Жуна никогда не переходили дорогу Хань Цзяну. Ни с какой стороны у того не было повода для подобной подлости.

Юноша поставил маленький знак вопроса между Биотехнологической компанией «Сухэ» и Хань Цзяном. Затем он перевел взгляд на имя Цзян Вэйдэ и невольно вздохнул:

— Я до сих пор не уверен, что было на уме у моего... у этого профессора. Неужели они врали тогда только ради того, чтобы «сохранить стабильность»? Но почему они даже не попытались оправдать моих родителей?

Цзянь Фу, не знавший о личных отношениях Ли Жуна и Цзян Вэйдэ, ответил прямо:

— Тут всё очевидно — борьба за кресло директора исследовательского института «Хунсо». Чжу Янь скоро уходит на покой, а самыми авторитетными кандидатами были профессор Ли и Цзян Вэйдэ.

Ли Жун покачал головой:

— Мой отец давно вышел из этой гонки. Он никогда не хотел быть директором. Всегда говорил, что на этой должности придется тратить силы на управление, а не на науку. Ему это было не по душе.

— Но это не мешало Цзян Вэйдэ быть мелочным и завистливым, — возразил Цзянь Фу. — Он просто не хотел, чтобы кто-то мог с ним сравниться.

Ли Жун вздохнул. Ему всё казалось, что дело куда сложнее. В списке не хватало еще одного имени — Чжан Чжаохэ. Старик вел себя крайне странно, особенно после того, как намеренно показал ему рисунок золотой башни. Но Чжан Чжаохэ, казалось, никак не мог быть связан с этими высокопоставленными фигурами на доске.

Цэнь Сяо посмотрел на Цзянь Фу:

— Что ты нашел по центральной больнице «Цзяцзя»?

Тот вскрыл упаковку с сэндвичем и, немного утолив голод, заговорил:

— Чжай Нин. Я навел о ней справки. Информацию найти было несложно: она известный врач, все её заслуги и биография есть в сети. Хирург она действительно выдающийся, иначе не взлетела бы так быстро по карьерной лестнице. В таких получастных клиниках это норма: кто талантливее, тот и наверху.

Собеседник развернул ноутбук экраном к Ли Жуну и Цэнь Сяо:

— Вот, смотрите.

Ли Жун взгляделся в экран. Помимо той новости о спасении человека, которую он смутно помнил, о Чжай Нин было множество других положительных отзывов. В прессе её выставляли доброй, внимательной и чуткой к пациентам — настоящим образцовым врачом. Её мастерство хирурга не вызывало сомнений: запись на операции была расписана на полгода вперед.

Однако внимание юноши привлекла одна особенная деталь. Три года назад центральная больница «Цзяцзя» запустила благотворительный проект для специализированного детского дома. В таких заведениях обычно находятся дети с врожденными дефектами, брошенные родителями. Без должной медицинской помощи они часто упускают время для лечения, оставаясь инвалидами на всю жизнь.

Проект получил поддержку крупных корпораций, которые вложили в клинику немалые средства. Чжай Нин благодаря этому прославилась как филантроп и полтора года назад даже получила престижную премию за гуманизм.

Долгое время Ли Жун из-за душевной травмы избегал любых новостей, связанных с Люйиньсью. Он боялся даже смотреть в ту сторону, опасаясь, что один взгляд лишит его воли к жизни. Но теперь, когда время прошло и он заново проанализировал потоки старой лжи, в его памяти всплыл заголовок одного издания, которое особенно рьяно клеймило его родителей:

«Трагедия Люйиньсью: профессор Ли Цинли уличен в преступной халатности. Из двадцати погибших большинство — воспитанники детского дома!»

Сироты — это слово всегда бьет по больному, вызывая у людей волну сочувствия и ярости. Неудивительно, что новость набрала колоссальные охваты, а комментарии с проклятиями в адрес его родителей собрали сотни тысяч лайков. Для обывателя его родители были заносчивыми профессорами-миллионерами, а сироты — беззащитными жертвами, которых использовали как подопытных кроликов.

— Сироты... — Ли Жун глубоко вздохнул.

Если это издание не лгало, то почему среди погибших было так много сирот?

Цзянь Фу скривился:

— Наверное, их выбрали потому, что у них не было денег на Цзякэтин. Хотели дать им лекарство бесплатно, а кто же знал...

Кто знал, что милосердие обернется ножом, направленным в собственное сердце.

Цэнь Сяо спросил:

— А что со счетами Чжай Нин? Есть ли следы взяток или сомнительных доходов?

В наше время способов подкупа великое множество, простым аудитом счетов ничего не добьешься, поэтому и требовались ресурсы Первого района.

Тот лишь покачал головой:

— В том-то и дело, что нет. Сам не верю, но я всю ночь только этим и занимался. Чисто. Абсолютно ничего.

Ли Жун невольно прижал пальцы к вискам. В этом деле было слишком много странностей. Истина казалась почти осязаемой, но её по-прежнему отделяла какая-то невидимая преграда. Какая связь между всеми этими людьми? И как Чжай Нин сошлась с Биотехнологической компанией «Сухэ»?

Пока он был погружен в раздумья, внезапно зазвонил телефон. Юноша встряхнул головой и взял трубку.

Это был Чжан Чжаохэ.

Ли Жун удивленно приподнял бровь и, взглянув на Цэнь Сяо, включил громкую связь.

— Учитель?

На том конце послышался шорох — старик, очевидно, поправлял очки, а затем раздались несколько щелчков мыши. Его голос звучал мягко, но в нем слышались нотки смиренной иронии.

— Ли Жун, я уже вижу твои оценки по всем предметам. Если не случится ничего экстраординарного, ты — первый на курсе. Поскольку в моем классе такой результат случается впервые, мне пришлось подписать твое разрешение на свободное посещение. Если ты еще в городе А, загляни ко мне на досуге, забери бумаги.

<http://bllate.org/book/15351/1503451>